

ГОВОРИТ МОСКВА...

(Быль)

Вряд ли сегодня кого удивишь простым словом «радио». Оно вошло в наш быт и стало привычно и неотъемлемой частью нашей жизни. Мы его слушаем, проснувшись рано утром, и до позднего вечера. А когда-то радио было недоступной диковинкой. Хорошо это помнят люди из сельской местности. До войны в селах не было электричества, а стало быть, не было и радио.

Я впервые услышал живое слово по радио в 1944 году, когда мне было 12 лет. Мой друг по классу пригласил к себе. Они были эвакуированными и жили в местной больнице. Его мать работала медицинской сестрой. И вот однажды, зайдя к ним в комнату, я услышал голос: «Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем сводку боевых действий на фронтах...». Кроме нас, мальчишек, в комнате никого не было, но откуда-то звучал голос незнакомого мне человека. Немало удивленный, я обратил внимание на репродуктор, висевший на стене, и оттуда говорил невидимый человек. Это было для меня настоящим чудом.

Тогда мой друг пояснил, что репродуктор подключен к радиостанции, который находится в сельском совете, и по проводам от нее поступают звуки в репродуктор. Вот так впервые я столкнулся с техническим изобретением человечества и понял, что можно на большие расстояния передавать человеческую речь и музыку.

Я долго не мог уснуть. Передо мной проплывали картины боевых сражений. Мысленно я представлял себя участником боевых действий. Тем более, что мы, учащиеся 4 класса, как раз изучали приемы штыкового боя. Я очень сожалел, что не вырос, не могу быть защитником Отечества и изобретателем.

Война отняла у нас детство, но в то же время закалила характер, научила мудрости, способности самостоятельно решать сложные жизненные вопросы.

Пройдя через тяжелые испытания военного времени, став взрослым, я все же достиг своей поставленной цели — стал инженером-конструктором и изобретателем. Моя мечта сбылась. Толчком к этому послужило то самое радио, которое я услышал в своем детстве во время Великой Отечественной войны.

ЯГНЯТКИ

Шёл 1945-й год. Великая Отечественная война уходила дальше на Запад.

Моя мама работала на ферме, ухаживала за овцами. Зима выдалась холодная, морозная. Для овец не хватало корма и соломы на подстилку. Начался весенний окот. Молодые ягнята мерзли, многие болели. У некоторых отнимались ноги, и таких ягнят мать приносила в дом. Я ухаживал за ними, кормил коровьим молоком из соски. А когда они становились на ноги, их отсаживали в отдельные помещения.хлопот было много, но возиться с ними было интересно. Они быстро привыкли, гонялись за хозяином, начинали заигрывать и бодаться.

Были у меня два любимых ягненка, они спали со мной рядом и откликались на мой голос. Они так привыкли ко мне, что ни на шаг не отходили, видимо, принимали меня за мать. И когда я бегал на горку кататься на санках, они были со мной рядом. Я катился, а они бежали за санками. А если я прятался куда-нибудь от них, то они бегали по всем закоулкам и не успокаивались, пока не находили. На душе становилось радостно, что у меня есть такие друзья-животные.

Мы жили на ферме, в помещении рядом с кормовой кухней, далеко от жилого поселка, и ягнята были единственными моими друзьями.

Наступила теплая погода, снег растаял, на лугах появилась трава, и я выходил вместе с ягнятами на луга, где паслись овцы. Однако они не хотели идти к стаду и продолжали ходить рядом со мной.

Но вот пришло время расставания. Овец угоняли на дальнее пастбище, за 15 км от фермы. Заведующая попросила меня, чтобы я отвел своих питомцев на пастбище сам.

Рано утром пастухи погнали стадо, я шел за ним, а за мной шли мои ягнятки. Так мы прошли весь путь, и они ни разу даже не попытались присоединиться к стаду. Овец загнали в загон, а они, ягнятки мои, все ходят за мной. Надо было что-то делать. Тогда я пошел на хитрость, зашел в загон вместе с ними, а потом незаметно забежал в кормовую кухню и оттуда выскочил в окно. Но когда мои ягнятки увидели, что меня нет рядом с ними, они пустились на поиски и стали носиться по всему загону, перепрыгивая через овец.

На душе моей стало так грустно, что я заплакал, как будто потерял своих друзей, и долго ещё не мог успокоиться.

Прошло много лет, но и теперь они живут в моей памяти, как верные друзья, а любовь к животным у меня сохранилась на всю жизнь.

НЮРКА

Нюркою звали нашу корову. Она была черно-белой масти, небольшого роста, с загнутыми внутрь рогами, как бы подчеркивающими её мирный характер. На лбу между рогами - небольшое белое пятно в форме звездочки. Нюрка охотно откликалась на свое имя, особенно, когда ей предлагали какое-нибудь лакомство. Она доверчиво подходила, вытягивала морду, слизывала своим шершавым языком лакомство из рук и в благодарность мотала головой. Карие глаза её искрились радостью и будто говорили: «Дай ещё чего-нибудь». Мы хлопали её по шее, разводили руками, показывая, что больше ничего нет, и она уходила, продолжая жевать свою жвачку.

Особые отношения складывались у Нюрки с нашей мамой. Когда они встречались, корова переставала жевать, поворачивалась к ней и, вытягивая морду, мычала, как бы спрашивая: «Ну, чем ты меня обрадуешь на этот раз?» И мама подавала ей ведро с пойлом из вареной картошки. Корова с удовольствием ела, потом в знак благодарности лизала матери руки. Мама присаживалась возле коровы и приступала к дойке. Я и брат с нетерпением ждали, когда мама подоит, и после с огромным удовольствием пили теплое парное молоко.

Шёл 1944 год. Великая Отечественная война была в самом разгаре. Страна жила в огромном напряжении. Мама всю зиму и лето работала в колхозе. Дома оставались мы одни, и в наши обязанности входило ухаживать за коровой. Зимой нужно было вовремя поить, кормить, а летом с утра выгонять на пастбище и вечером встречать. Корм для коровы на зиму обычно давали в колхозе на трудодни, заработанные матерью, и, как правило, его хватало на всю зиму, до самого выгона на пастбище. Но в этот год корма оказалось явно не достаточно и на последний, самый трудный весенний месяц апрель его не хватало. Что делать?

В таких случаях мама проводила своеобразный семейный совет. Мы собирались все вместе, она объясняла сложившуюся обстановку и спрашивала, как будем выкручиваться из этой ситуации. И мы, отбросив все детские шалости, мгновенно становились взрослыми людьми, принимались решать ту или иную сложную задачу.

На семейном совете было решено корову продать.

...Мы продали её за два мешка пшеничной муки и пуд соли (соль во время войны была в большом дефиците). Получив муку, напекли лепёшек, наелись вдоволь, утолили свой голод. Прошло три дня, и мы почувствовали, что нам чего-то не хватает. Оказалось, молока, к которому мы привыкли с пелёнок. Мы стали уговаривать мать вернуть корову обратно. Было неудобно, но что делать.

Добродушные хозяева с пониманием отнеслись к нашей нужде — без лишних разговоров отдали нам нашу корову. Мы отвезли обратно муку и соль, а за съеденные припасы мать расплатилась какими-то пожитками. Нюрка очень обрадовалась, и сама вернулась домой, когда её отпустили хозяева. Снова встал вопрос о кормежке. На семейном совете было принято дерзкое решение: привезти на санках солому из колхозного омета, который находился недалеко от села, за околицей.

Утром рано по весеннему насту мы с братом уходили на поле, брали солому из омета и, пока ещё не было солнца и снег был твёрдым, везли домой кормить нашу Нюрку. Однако продолжалось это недолго. Мы жили напротив правления колхоза, и однажды нас заметил председатель. Он отобрал санки вместе с соломой и строго-настрого запретил трогать колхозное добро. Я, как самый младший, ходил к нему и просил вернуть мои санки. Он отдал их мне после того, как я дал честное слово, что не буду больше воровать солому. Кормить корову стало нечем. Оставался небольшой запас березовых веников, но для коровы этого было явно не достаточно. Но, как говорят, нет худа без добра. В самый последний момент нам улыбнулась удача.

Моему брату шёл четырнадцатый год. Он был уже достаточно взрослый, очень энергичный, подвижный, говорливый человек, и на него обратил внимание управляющий скотоприёмным пунктом. Он взял брата к себе кучером и разрешил нам поселиться на скотоприёмном пункте в 15 километрах от села. Брат уехал. Мы с матерью тоже стали собираться в дорогу. Накануне зарезали теленочка-сосунка и сварили его мясо. Нюрке на санки положили веники. Рано утром 7 апреля 1944 года, в христианский праздник Благовещение, мы тронулись. Тогда мы не знали, что из колхоза нельзя уходить самовольно и что без документов никто не имеет права брать нас на работу. Об этом знала только мама. Но она боролась за жизнь своих детей и пошла на такой рискованный шаг, заручившись поддержкой управляющего скотоприёмным пунктом.

Как я уже отмечал чуть выше, отправились в дорогу мы очень рано, пока нас никто не видел. Нюрка, повинувшись воле хозяйки, охотно пошла с нами, не ведая, какая трудная дорога предстоит ей. Я шёл впереди и вел её на поводке, мама шла за нами, она везла санки с пожитками и вениками для коровы. На полях были проталины, но дорогу ещё не развезло, и Нюрка шла уверенно. Так мы прошли около десяти километров. Весеннее солнце стало сильно прогревать дорог), она размякла. Коровьи копыта проваливались в рыхлый снег. Нюрка устала, стала часто отдыхать, а потом, окончательно обессилив, легла прямо на дорогу. Мы не стали её беспокоить, покормили веничком, лепешками.

Вечерело. До следующей деревни, где мы собирались остаться на ночлег, оставалось два-три километра. Нужно было идти быстрее, пока не стемнело, но Нюрка даже не пыталась встать, спокойно жевала веники. Надо было что-то делать. По дороге в нашу сторону шёл старичок. Он поравнялся с нами, и мы попросили его помочь поднять корову. Он стал кричать ей в ухо, надеясь, что Нюрка испугается и вскочит. Никакой реакции со стороны коровы не последовало. Тогда старичок проворно схватился за хвост животного и стал гнуть его, рассчитывая с помощью боли заставить встать корову. Не удалось. Старик ушёл.

Солнце шло на закат. Подул резкий, северный, пронизывающий насквозь холодный ветер. Промокшие наши ноги стали мерзнуть. Мы не знали, что делать. Наконец решено было корову оставить. Нюрку было жалко до слёз. Но делать нечего. Другого выхода у нас не было: корова не вставала, а мы не могли ночевать в поле, так как, во-первых, сильно замерзли, ну а во-вторых, по округе рыскали волки. В последний раз поцеловав Нюрку и похлопав её по шее, мы ушли со слезами на глазах. Она долго смотрела нам вслед, мотала головой, вытягивая морду и как бы упрекая нас за предательство.

Наступали сумерки. Мы быстро добрались до деревни. Какая-то добродушная хозяйка пустила нас в дом, напоила горячим чаем и мы, сняв одежку и сырые лапти, залезли на печку греться. Часа через полтора я вдруг услышал мычание и мне показалось, что это голос нашей коровы. Я сказал об этом маме. Мы прислушались и поняли, что к нам бежит наша Нюрка. Раздетые и босые, мы выбежали на улицу. Случилось невероятное: Нюрка, наша Нюрка бежала вдоль улицы, ревела во все горло и по запаху искала свою хозяйку! А мы, так и не одевшись, выбежали ей навстречу. Я и мама обняли корову за шею, целовали ее, а она мотала головой, мычала, будто упрекая, что мы не подождали её, оставили одну на дороге. Из глаз у нас катились слезы радости. Изумленная такой довольно необычной встречей, добродушная наша хозяйка дала Нюрке из своих собственных скудных запасов охапку душистого сена. Нюрка успокоилась, стала жевать, а мы, радостные, пошли спать. Я и мама долго не могли уснуть, гадая, почему корова всё-таки не пошла обратно домой, по знакомой дороге, а прибежала в незнакомое село. Так доброта и привязанность воссоединили нас снова.

На утро, хорошо отдохнув и поблагодарив хозяйку за ночлег, мы тронулись в путь и к полудню добрались до деревни Царевки, где базировался скотоприёмный пункт и где нас уже ждал брат.

Мама стала ухаживать за скотом, брат ездил с управляющим по деревням скупать скот у населения, а я пас нашу Нюрку. Грело яркое весеннее солнце, на лугах прощипывалась трава, и корова моя срывала её своим шершавым языком.